

ЕДИНСТВЕННАЯ ДЛЯ ОБОРОТНЯ

РАДОМИРА ТЕПЛИНСКАЯ

Рада Теплинская

Единственная для оборотня

<https://litres.ru/74451063>

Аннотация

— ВЕДЬМА!!! — завопил этот парень, едва приходя в себя после частичной трансформации, сбивчиво выдохнув, будто пытался вырваться из ловушки собственных ощущений. Его глаза, ещё минуту назад обычные, теперь трещали по краям, словно в них впихнули нечто чужеродное — зрачки расширились до предела, а радужки покрылись серебристой дрожью, будто отражали не то светило, не то — что-то гораздо более древнее. Он стоял, задрав голову, будто пытался вдохнуть не воздух, а саму тень, и уже через секунду, не дожидаясь, пока сознание оседлает тело, ринулся ко мне — как будто я была единственной опорой в этом мире, который рухнул.

— Пока ещё нет, идиот! — резко бросила я, отстраняясь, но не успела — он уже схватил меня за шею, как будто хотел убедиться, что я действительно живая, что кровь в моих венах не замёрзла от страха. — Чего ты кусаешься-то?! Ты ж, похоже, не просто псих, а ещё и мутант-каннибал с приступом патологического асоциального расстройства.

Содержание

От автора!	4
1. Саманта	5
2. Доминик	32
3. Саманта	42
4. Саманта	60
5. Доминик	68
6. Саманта	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

От автора!

Дорогие друзья!

Дарю вам пять промокодов на бесплатное чтение книги в надежде, что она вам понравится)

1zOmD9YC

esAC8J2x

PWPYcRfm

APQKFYSg

LSFazAN_

Действуют они до 2 сентября.

1. Саманта

- Саманта, сколько тебя можно ждать? Так пропустишь всех оборотней, которые только сегодня смогут приехать на праздник! — раздался звонкий, резкий, будто удар молотка по стеклу голос моей Ба. София Холанд — женщина, в которой сходились воедино несочетаемые друг с другом черты, как будто кто-то с ума сошёл, пытаясь сложить в одном образе всё, что не может существовать рядом. Любовь, которая приглушает, но не гасит, и злоба, готовая вырваться наружу при малейшем поводе. Строгость, отточенная годами, как бритва, и бесконечное терпение, будто сотканное из нитей, которые никогда не рвутся. Чуткость, умение уловить дрожь в голосе, взгляд, молчание — и тут же, в следующую секунду, взрыв ярости, которая заставляет дрожать полы в доме. И да, ярость у неё была такая, что её стоило обходить стороной, как чумного, на расстоянии нескольких миль, ведь даже взгляд мог обжечь.

- Да Ба, я уже спускаюсь, — кричу я в ответ, прижимая к груди последний штрих — свой маленький, почти незаметный, но важный аксессуар. В последний раз бросаю взгляд на себя в зеркало — старинное, с зеркальной рамой, украшенной резьбой в виде лозы и орнаментом, которое, как мне кажется, когда-то принадлежало бабушке, а теперь, наверное,

просто унаследовало мою душу. Оттуда на меня смотрит девушка — невысокая, но с таким присутствием, что даже тень кажется более значимой, чем многие люди. Волосы — темно-каштановые, до середины спины, сегодня они мягко, как дым, завиты в струящиеся локоны, словно кто-то нежно заплел их, чтобы не дать упасть под тяжестью собственной тишины. На мне — бархатное платье глубокого темно-бордового цвета, с длинными рукавами, плотно облегающее тело, словно вторая кожа. Оно не то чтобы неудобное — скорее, оно создано для того, чтобы быть увиденной, чтобы быть замеченной, и, конечно, чтобы заставить всех замереть. «Красота требует жертв», — говорила бабушка, когда надевала свои шпильки, — те самые, что когда-то держали её причёску, а теперь, кажется, держат весь мир, включая её дух.

Моя спина — как холст, на котором нарисована история. Она провокационно открыта до самых двух ямочек на пояснице, словно приглашение взглянуть — и не отвести глаз. Обтянута тонкой, почти невидимой золотой цепочкой, которая струится по позвоночнику, как нить, соединяющая два мира: сдержанный внешний и буйный внутренний. На конце — аметистовый кулон, тёмный, почти чёрный, но внутри — свет, будто в него заключён вечерний закат. Он мерцает, когда я двигаюсь, и кажется, что внутри — живая душа. А спереди — платье настолько закрытое, что я могла бы соревноваться с монахинями за целомудрие. Вырез — глубокий,

но сдержанно-строгий, как у старинной гравюры, а передние карманы — словно пустые, будто кто-то забыл, что в них может быть что-то ценное. Но я знаю — это не пустота. Это сдержанность, это игра тайн, это моя защита. Я — не та, кто бросает вызов, — я та, кто его выслушивает, а потом отвечает.

За те десять лет, что я провела рядом с бабушкой, она не раз, не два, а каждый раз, как только мы оказывались наедине за чашкой горячего шоколада с корицей и сушёной мятой — по-настоящему волшебной, как и всё в её доме — заверяла меня, что я ведьма, что родилась под знаком Луны в полнолуние, а наш ковен живёт не просто долго, а столько же, сколько существует этот город, — с 1864 года. История его началась не с прихода первых поселенцев, не с постройки каменных домов, а с ночи, когда семь женщин в чёрных плащах, покрытых узорами из древних рун, собрались у кромки леса, где теперь стоит ратуша, и заключили Соглашение с Землёй. С тех пор каждый год, в ночь на 29 июня, в полнолуние, в центре старого парка, на поляне, обсаженной кустами чёрной смородины, проходит Возрождение Ковена — таинство, в котором участвуют все живущие в городе ведьмы, даже те, кто давно перестал носить мантии и пользоваться зельями. А потом, с течением времени, сюда стали стекаться люди, прибывшие из дальних земель, сменяя друг друга, принося с собой свои верования, традиции, а также — сначала незаметно, а потом и с явной целью — оборотней, ведьм и тех,

кто просто искал убежища от своих прошлых жизней. И вот, когда город уже стал не просто деревней, а настоящим административным центром округа, с фонтанами, библиотекой, школами и даже собором, — оказалось, что в его основании лежит не просто история, а живая магия, пронизывающая каждую трещину в брусчатке, каждый камень в стенах старинных особняков. И да, мы — не просто жители. Мы — хранители.

— А более абсурдное платье ты не могла выбрать, дитя? — недовольно поджав губы, выдала моя Ба. Она всегда так делала — сначала — лёгкое, почти неслышное покачивание головой, затем — чуть заметный наклон вперёд, будто бы проверяет, не сбежит ли что-то из моего образа, и, наконец — тот самый взгляд, что заставляет сердце замереть. Это был её способ сказать: «Я вижу тебя. Я знаю, кто ты. И я — твоя сила». Моя своенравная женщина, ведьма, что уж там! — она даже в костюме из чёрного шелка, с брошью в виде совы, напоминающей о древнем знании, казалась мне чем-то большим, чем просто бабушка. Она была — голосом, памятью, судьбой.

Лукаво улыбнувшись, я сделала полный разворот, демонстрируя вырез на спине — глубокий, как пропасть, с узором из тонких серебряных нитей, вышитых вручную, — и увидела, как в глазах миссис Софии Холанд, главы семьи Хо-

ланд, вспыхнула довольная ухмылка. Она, как и все остальные, знала: это не просто платье. Это — символ. Это — талисман. Это — вызов. Вырез — не просто модный элемент, а та самая «врата», через которые, по легенде, выходила первая ведьма, когда впервые вступала в мир магии. И теперь, когда я поворачивалась, — в нём отражался свет, будто бы он сам что-то шептал.

— Одобряю! — сказала моя бабушка, и, как всегда, по-детски подмигнула мне — одним глазом, будто бы шепнула: «Ты справишься». Потом протянула руку — тонкую, с гладкой кожей, но с сильным, словно сталь, пальцем, — и я тут же схватилась за неё, чтобы не свалиться с моих высоченных каблуков. Потому что, если бы я не держалась за неё, то, скорее всего, упала бы — не столько от страха, сколько от того, что моя бабушка, даже когда просто стояла на пороге, излучала силу, которая заставляла землю дрожать, а воздух — пахнуть псиной и древними травами.

— Ба, а что от меня требуется сегодня? — мягко, словно кошка, а не ведьма, уточнила я у бабушки, пока мы садились в новый лимузин — чёрный, с резными узорами на дверях, напоминающими древние магические круги, с логотипом ковена, выгравированным на заднем стекле. Он был представлен всем домам ведьм в городе — каждая семья вносила вклад: одна — изготавливалась специальная кожа

для сидений, другая — устанавливались встроенные амулеты, третьи — позаботились о том, чтобы в салоне всегда пахло розмарином и мускусом, чтобы душа не терялась в дороге. Этот лимузин — не просто машина. Это — передвижной храм, живое воплощение нашего ковена, который, как и город, живёт уже почти 160 лет. И сегодня, как и каждый день, он ждал, чтобы повезти меня — ведьму, ученицу, наследницу — к тому, что должно быть сделано.

Моя бабушка, всё такая же прекрасная, как и десять лет назад — с высоко собранными пепельными волосами, словно вырезанными из серебристой ночи, с тонкими прядями, падающими на виски, как будто сама природа умудрилась застыть в этом образе. Её глаза, всегда ярко подведенные тёмным, почти чёрным карандашом, будто впитывали свет, делая взгляд глубоким, пронизательным, словно они видят не только настоящее, но и тени прошлого, и отблески будущего. На шее у неё было то самое кольцо — огромное рубиновое, с огранкой, похожей на старинные резные узоры с древних монастырских книг, — оно мерцало, будто внутри него тлеет огонь, и каждый раз, когда она поворачивала голову, в комнате мгновенно становилось теплее. Внешне она тянула максимум на лет пятьдесят пять — ухоженная, с грациозной осанкой, с лёгкой улыбкой, будто она только что вышла из афиши старинного фильма, — хотя на самом деле ей было за сто семьдесят.

Да, ведьмы живут долго — гораздо дольше обычных людей, особенно те, кто не нашёл свою истинную пару. Но даже без неё, у нас, в ковене Холанд, были случаи, когда магия сохраняла жизнь на протяжении трёхсот лет — и тогда, в последний день, они уходили не просто умирать, а исчезали в тишине, будто растворялись в воздухе, оставляя после себя лишь лёгкий запах лаванды и слабый отсвет на стенах. Моя бабушка, к примеру, была одной из тех, кто, по слухам, когда-то спасала весь город, заморозив на двое суток всю реку, чтобы остановить пожар, и никто так и не узнал, как именно она это сделала — ведь магия Холандов не любит раскрывать свои тайны, особенно тем, кто ещё не готов к ним прикоснуться.

Мне было двадцать два — я была птенцом, ещё не расправившейся с крыльями, но уже чувствовавшей, как внутри что-то шевелится, как будто в груди затаился маленький вулкан. У ведьм дома Холанд дар раскрывается только к тридцати пяти годам — это закон, как закон тяготения, как пульс земли. До этого момента я была просто женщиной с необычной чувствительностью к холоду, с привычкой засыпать, глядя на луну, и с мыслью, что каждый шепот ветра — это шёпот, который я должна понять. Пока что я — обычный человек, живущий среди ведьм, но с душой, полной ожидания. У меня всё впереди — и не только потому, что я ещё не роди-

лась, а потому, что моя судьба ещё не написана, а может, и вовсе ещё не написана никем.

У каждой ведьмы — свой дар. Кто-то умеет исцелять, прикасаясь к коже, и больной человек вставал с постели, как будто его накрыло теплым одеялом, и всё тело стало тяжёлым, но лёгким одновременно. Кто-то видит будущее — не в виде ясных картинок, а скорее как тени, которые двигаются в твоём поле зрения, как предчувствие. Таких, как я, — тех, кто видит, но не знает, что именно — немедленно забирают на вершину ковена, в особый дом, где светлее, чем в других зданиях, и где каждый шаг отражается в зеркалах, будто ты уже там, в центре власти. Туда не пускают просто так — туда приходят тех, кого выбирают. И только потом, когда они научатся управлять своими видениями, их вводят в совет, рядом с правящей семьёй — и тогда они становятся голосом, которым можно поверить.

Холанды всегда были семьёй, в которой сила была не просто даром — она была проклятием, унаследованным от древних, от тех самых, кто когда-то выжигал миры своим взглядом. У нас не было обычного оружия — мы не нуждались в нем. Достаточно было одного взмаха рукой, и мозг противника расплавлялся, как воск под огнём. Моя бабуля — не просто ведьма. Она — живой артефакт стихии, способный выжечь разум любого оборотня, даже самого старого, самого могущественного, — одним движением пальца. Её глаза

светились, как раскалённые угли, а в руке — будто тлеющая искра, готовая взорваться в любой момент. И именно поэтому, даже среди своих, среди тех, кто тоже из рода ведьм, мы — белые вороны. Мы не просто отличаемся, мы — исключение, которое нарушает баланс.

Мы связаны клятвой, заключённой ещё до появления людей — клятвой, что не причиним вреда никому из своих. Но это не значит, что мы безопасны. Напротив — наша сила делает нас опасными даже для тех, кто нас любит. И всё же, именно эта клятва — наша защита. Ведь если бы не она, нас бы давно уничтожили, как угрозу, не подвластную контролю. А вот те, кто из других кланов, кто не подчиняется этой клятве, — они, напротив, становятся мишенью. Особенно — те, кто, как моя бабуля, обладает силой, способной уничтожить не просто одного, а целую группу. Оборотни, в свою очередь, охотятся именно на таких — тех, кто может выжечь мозг даже при полном отсутствии физической угрозы. Они боятся не силы — они боятся того, что может уничтожить их разум, оставить в панике, в безумии, в вечном созерцании собственной пустоты.

В начале весны, в марте, по старому календарю, наступает великий праздник — Восход Новой Луны. Это не просто день — это время, когда граница между мирами становится тонкой, как волос, и те, кто живёт во втором мире — ми-

ре скрытом от людей, — могут обрести своих истинных. Истинных — тех, кто в прошлых жизнях был близок, кто родился под одной звёздой, кто, быть может, когда-то был тем самым единственным, кого не хватало в этой жизни. Но мир не терпит хаоса. И с древних времён, ещё с тех пор, как были созданы первые правила, каждый житель второго мира обязан находиться в том месте, где проживает его клан или ковен. Это не просто рекомендация — это закон, строгое повеление, нарушение которого влечёт за собой немедленное изгнание или даже полное уничтожение.

Обычно, каждый подвид — ведьмы, оборотни, вампиры, дриады, эльфы, ну или, скажем, тени — находит своих истинных только среди своих. Ведь магия связана с кровью, с генетическим кодом, с тем, что удерживает дух в узде. Но бывает — судьба шутит. Иногда истинные оказываются из разных миров, из разных видов. И тогда наступает судьбоносный момент. Всё дело в том, что такой союз — как яд в крови, он может нарушить баланс. И тогда сходится Общий Совет Верхушки — собрание старейших, тех, кто знает все тайны, кто помнит, как выживали миры, когда наступали катастрофы. Они решают: оставить ли такую пару, или уничтожить — и как. Иногда это делается мягко — через изгнание. Иногда — жестоко — через полное уничтожение. Но всегда — беспощадно.

И вот сегодня — самый опасный день для нас, ведьм. Не потому что кто-то угрожает, а потому что сама суть праздника — это вызов. Это время, когда наши силы усиливаются, когда мы чувствуем, как в жилах пульсирует древняя магия, как будто каждый волосок на теле — это антенна, ловящая энергию лунного цикла. И именно в этот вечер, в час, когда луна скрывается за горизонтом, а земля дрожит от нее, — начинается сбор.

— Сегодня самый опасный день, для нас ведьм, — как бы между прочим поведала бабушка, глядя в окно, где за стеклом уже проступали первые звёзды, будто кто-то нарисовал их мелом по тёмному холсту. — Сегодня ночью наступает Новая Луна. Это время, когда обитатели второго мира могут обрести своих истинных. И, к сожалению, по правилам, действующим ещё со времён создания нашего мира — все жители второго мира должны быть в месте, где проживает их клан или ковен. Каждый должен быть на своём месте. Если кто-то оказался вне — его ждёт наказание.

Она замолчала, медленно опустила руку, чтобы коснуться моей щеки, и я почувствовала, как по коже пролегла лёгкая дрожь — от её прикосновения. Её пальцы были тёплыми, но внутри — холод, как у камня, вынутого из подземелья.

— Обычно, каждый подвид — ведьмы, оборотни, вампи-

ры, дриады, эльфы — находит своих истинных среди своих. Это естественно. Но бывает — судьба шутит. Если в истинность вляпаются представители разных видов — тогда Общий Совет Верхушки решает, как избавиться от такого союза. Иногда — через изгнание. Иногда — через уничтожение. Но всегда — жестоко. Потому что мир не может позволить себе хаоса.

Она улыбнулась — криво, как у старой ведьмы, которая знает, что в следующий раз улыбаться будет не зачем.

— Не беспокойся, — сказала она, мягко погладив мои сжатые в кулаки руки, — ведьмы находят своих истинных только среди своих. А твой дар ещё не раскрыт. Ты — не настоящая ведьма, пока не почувствуешь, как в тебе просыпается магия. Ты — как солнце, ещё не вышедшее из-за горизонта. Ты — как луна, ещё не достигшая полнолуния. И поэтому, дорогая, твои шансы попасть в это дерьмо — равны нулю. Ты не станешь ни кем, кроме как собой.

Она сказала это мягко, почти ласково, но в голосе — как в лезвии — была жестокая правда. Я посмотрела на неё — и впервые увидела, что она не просто бабушка. Она — тень, что держит мир в равновесии. Она — тот, кто убирает то, что не должно существовать. И, может быть, именно она — та, кто когда-нибудь решит, стоит ли мне быть собой.

— Поезжаем, — сказала она водителю, и машина, тихая, как мысль, покинула двор. За окном — уже не было ничего, кроме тьмы и звёзд, словно мир перестал существовать — осталось только наше путешествие, наше время, наше будущее, которое ещё не написано.

— А разве я обязательно должна присутствовать там, если мой дар ещё спит? — пробормотала я, стараясь не шевелить пальцами, чтобы не зацепить колготки — они были тонкие, почти прозрачные, с лёгким блёсточным узором, который, как мне казалось, должен был подчеркнуть мою нежность, но вряд ли подходил к образу ведьмы. Мой маникюр в нюдовом оттенке, с тонкой полоской серебристой фольги по краю, выглядел скорее как аккуратный маникюр из салона красоты, чем как часть магического ритуала. Но, чёрт возьми, я же ещё не ведьма! Я просто девочка из города, которая только-только узнала, что её родословная — не просто старинный дом с тёмными потолками и облупившейся краской, а часть древнего рода, хранящего тайны, о которых даже в книгах не написано. Я всё ещё не знала, как себя вести, как дышать, как вообще жить, если ты — наследница могущественного дома, о котором говорят только в шепоте.

— Саманта Холанд! — резко выкрикнула бабуля, и голос её пронзил тишину комнаты, будто молния ударила в старую сосновую дверь. Я чуть не икнула — от неожиданности, от

страха, от того, как резко изменилось всё вокруг. Даже свет в комнате, казалось, стал тяжелее, будто воздух наполнился магией, которая раньше была только в книгах, а теперь — в реальности.

— Встреча состоится в огромном особняке клана оборотней-медведей, — продолжила она, словно описывая что-то повседневное, как бы утром позавтракать. — Каменный двор, башни, стены, выложенные камнем, как будто выросшими из самой земли. Там живут не просто оборотни — там живёт культура, традиции, законы, которые передаются веками. Блэквуды — самый крупный клан в округе. Их дом — не просто особняк, это крепость, в которую можно войти только по приглашению. А управлять всем этим — Лазарус Блэквуд. Он — глава клана, человек с глазами, как у зверя, — холодных, тёмных, будто глубокие озёра, покрытые льдом. У него есть сын — Доминик Блэквуд. Он уже взрослый, сильный, с молчаливой грацией, которой не научишься за один день. Их семья — одна из тех, кто может позволить себе быть независимыми, даже когда весь мир падает.

— После того, как не стало твоей матери, — продолжила бабуля, — ты стала моей единственной наследницей. И не просто наследницей, а единственной ведьмой в роду, которая может пробудить древний дар. Ты — мой последний шанс сохранить имя Холанд. И когда настанет время, когда

я уйду — право правления домом, твоим домом, перейдёт к тебе. Ты станешь главой клана, будешь принимать решения, вести переговоры, участвовать в ритуалах, защищать наше наследие. Это не просто обязанность, Сэм, это — судьба.

Она замолчала, и в этот момент в комнате стало так тихо, что слышно было, как тикают старинные часы в углу, будто они тоже считают секунды до важного события. Затем бабуля медленно подняла взгляд. Её глаза — раньше светлые, как у всех в роду, — внезапно изменились. Белки исчезли, оставшись только тёмные, как смола, зрачки стали бесформенными, словно в них затерялась сама тьма. Она сверкнула ими — и я почувствовала, как внутри что-то ёбнуло, будто кто-то встал на колени и тихо сказал: «Я здесь». Это была не просто метаморфоза — это был признак силы. Признак того, что она — не просто бабушка, а глава дома, чьи слова — как приказы, а взгляд — как молния, способная разрушить всё, что стоит на пути.

— Холанды — уважаемые члены клана ведьм округа, — тихо, но с абсолютной уверенностью произнесла она. — Мы не бежим никуда, мы не прячемся. Мы — часть этого мира. Мы не просим разрешения, мы — сами даём его. И мы проведём прекрасно время. Может быть, даже больше, чем вы думаете. А может быть, твоя бабуля встретит своего истинного — того самого, кто когда-то ушёл, но не исчез. Кто-то,

кто вернётся, когда наступит время.

— Миссис София Холанд, — я тихо, почти шепотом произнесла, стараясь не потерять контроль над голосом, — стоит ли мне напомнить, что вам сто семьдесят лет, и ваш истинный был вами встречен... как минимум семьдесят пять лет назад? — Я сделала паузу, стараясь выглядеть серьёзно, но взгляд, брошенный на бабулю, уже выдал меня. Она сидела, сжав руки на коленях, и вдруг — вспыхнула. Её глаза, всё ещё покрытые тёмной дымкой, вспыхнули, как уголья в печке, и я поняла — она хочет улыбнуться. И у неё получилось. Она улыбнулась — широко, искренне, с такой силой, что даже стены, казалось, зашевелились. Я тоже не выдержала — рассмеялась, и в этот момент нам обоим стало нехорошо от смеха, потому что он вырывался изнутри, как будто мы смеялись не от радости, а от того, что наконец-то почувствовали себя живыми. Глаза налились слезами — от счастья, от страха, от любви. Я вытерла их, вытерла с лица, вытерла с мыслей, и снова вернула лицу серьёзность — как будто я снова стала собой. Но я уже не та, что была минуту назад. Я — Сэм Холанд, наследница, ведьма, которая только начинает узнавать себя.

- Твой дед не считается, этот старый козёл, даже не вспоминает меня. — Она демонстративно отвернулась к окну, прижавшись лбом к холодному стеклу, будто пытаюсь

скрыться за ним от всего, что связано с прошлым. За окном медленно тонул вечерний город, растянувшись огнями в темноте, как будто сама Вселенная пыталась утешить её молчанием.

- Этот старый, как ты выразилась, «козёл» — ибо так его называла ещё мать, когда была маленькой, — уже четыре года пытается пробиться к тебе сквозь твой холодный, насто-рожённый взгляд. Он присылал письма, которые ты не открывала. Он звонил, но ты выключала телефон. Он приезжал к дому, но ты уходила в гости к подруге, будто бы случайно. Он пытается, как будто это молитва, как будто каждый шаг — это жест, направленный на то, чтобы вернуть тебя, хотя ты давно уже не та, кого он когда-то знал. Но ты — не та. И ты не та, кого он когда-то потерял.

- Вот найдёшь своего истинного Саманта — и тогда, может быть, согласишься на меня с другой стороны, — сказала она, почти шепотом, — и будешь учить, как с моим собой вести. А пока твой дедушка Теодор будет жить отдельно от меня, в старом особняке на окраине, где пыль лежит толстым слоем на всех креслах, а библиотека с трещинами по шкафам хранит воспоминания, которые никто больше не читает. Пока он не вспомнит, что же он забыл — не просто вспомнил, а почувствовал, как дрожит его сердце, когда он произносит твоё имя, — он будет жить в отрыве от всего,

что когда-то было общим.

Моя Ба была очень строптивой женщиной — не в том смысле, что была груба, а в том, что у неё был свой путь, свой голос, свой закон, который она не собиралась нарушать ради кого бы то ни было. Она встретила своего истинного Саманта — не в молодости, не в расцвете сил, а в девяносто пять лет, когда многие уже ушли в тишину, а она только начинала. Их союз был не просто любовью — это был взрыв, который разнес по всей округе, как будто кто-то запустил бомбу в сердце времени. История об этом говорит: братья и сёстры, соседи, даже те, кто жил в двух милях — все говорят, что боялись подойти к особняку ближе чем на пару миль. Казалось, сам воздух вокруг них дрожал от невидимой силы, от жара, который исходил из их глаз, из их прикосновений, из тех мгновений, когда они просто сидели рядом, не говоря ни слова, но чувствуя друг друга — как живые существа, впервые увидевшие друг друга в настоящем.

Истинность вызывает дичайшее влечение — не то, что можно объяснить словами, а то, что ощущается в костях, в крови, в каждом вздохе. У ведьм оно не так выражено, как у оборотней, ведь у нас нет второй ипостаси, нет трансформации, нет личины, которая вырывается наружу. Но, возможно, в душе моя бабуля была волчицей — не в образе, а в духе. Там, где сердце, где тайная пульсация, где молчание го-

ворит громче слов. Она не могла превратиться в волка, но она могла чувствовать его — в каждом движении, в каждом порыве ветра, в том, как смотрела в глаза тому, кто стал её истинным. Она жила не по правилам, а по внутреннему зову — и, может быть, именно это и делало её настоящей. Её любовь была не тихой, не осторожной — она была бурной, как буря, которая не спешит утихать, а, напротив, только набирает силу. И теперь, когда я вижу, как ты смотришь на своё прошлое, как ты сдерживаешь слёзы, как ты прячешься от того, что могло бы тебя спасти, — мне кажется, в тебе тоже что-то живёт. Не знаю, волчица ли это, но точно — не простая женщина. И, может быть, когда-нибудь ты найдёшь своё истинное, как нашла бабка, — и тогда твой дедушка, может быть, и вправду вспомнит, что он забыл.

Лимузин осторожно заехал через огромные кованые ворота с гербом семьи Блэквуд — тяжелые, словно двери в древний замок, с изящной резьбой, изображающей лунного медведя, впряженного в золотую повозку, олицетворяющего силу и мудрость рода. Каждый элемент был выкован вручную, с точностью до миллиметра, — металл, отполированный до зеркального блеска, отражал приглушённый свет фонарей, встроенных в парадальную ограду. За воротами простиралась извилистая аллея, усыпанная белым гравием, по обеим сторонам которой стояли старинные фонари с масляными лампами, а между ними — высокие кусты жасмина, источавшие сладкий, почти магический аромат. Лимузин

медленно продвигался вперёд, как будто сам чувствовал, что вступает в особое пространство — не просто дом, а живой организм, дышащий веками тайн и семейных традиций.

Моя бабуля, София Холанд, — женщина, чья сила была столь же велика, сколь и её спокойствие, — аккуратно поправила своё чёрное классическое атласное платье, сшитое по старинному крою, с глубоким V-образным вырезом и длинными рукавами, доходящими до запястья. Платье блестело, как тень, падающая от кристаллического света, — оно словно поглощало окружающий свет, оставаясь при этом мягким и невесомым. На плечи она накинула лёгкий шарф из органзы цвета небесной розы — тонкий, будто дымка, — который, казалось, не падал, а парил в воздухе, отражая оттенки заката. Её волосы, собранные в узел, были украшены старинной брошью — изумрудом в виде лунного серпа, унаследованной от прабабки, которая, как говорили, могла управлять снегопадом в ночь полнолуния.

Следом, чуть не наступив на свой собственный подол, неуклюже вылезла я — в кожаных ботинках, которые, как ни странно, казались слишком большими, будто пришли из другого времени. Каждый шаг на котовую дорожку — толстую, с узором из виноградных лоз и крыльев сов — вызывал лёгкое ощущение, будто я вступаю в иной мир, где время замедленно, а реальность — плотная, как шелк. Внутри ме-

ня бушевало странное чувство: смесь тревоги, восхищения и странного ощущения, будто я не туда попала, но при этом — точно должна быть здесь. С каждым шагом, с каждым новым поворотом, я ощущала, как теряю связь с обычным миром — с городскими улицами, с телефонными звонками, с ритмом повседневности. Как будто кто-то выключил свет в моём сознании, и теперь я видела только то, что осталось — тени, свет, лица, дрожащие от скрытой энергии.

Встреча проходила в огромном зале, высотой как три этажа, с потолком, выложенным кессонами — углублениями в форме шахматной доски, покрытых золотом, будто небо, вделанное в дерево. Колонны, вырезанные из белого мрамора, поддерживали сводчатый потолок, будто бы удерживая вес всей истории. Между ними — как в храме — раскинулся дорогой паркет, отполированный до зеркального блеска, отражавшего свет от хрустальных люстр, висящих на цепях, словно звёзды, застрявшие в куполе. Каждый стол, выложенный из тёмного дуба, окружали большие горшки с редкими цветами: орхидеями, фикусами с пурпурными листьями, пеларгониями, цветущими даже зимой. Всё это — в сочетании с антикварной мебелью, канделябрами, картинами в тяжёлых рамах, изображающими предков семьи, — создавало эффект эклектичного единства: древний стиль, современные материалы, древние традиции, современные взгляды. Здесь было и прошлое, и будущее, и даже что-то третье

— нечто, что невозможно назвать, но что чувствуется в каждом взгляде, в каждом движении.

Мягкий свет, исходивший от масляных ламп, светящихся, как сердца, и от скрытых в стенах светодиодных вставок, создавал уютную, почти гипнотическую атмосферу. По комнате тихо звучала музыка — фортепиано, играло что-то из «Музыки для чайников» Мортон Фишера, но с добавлением струнных, будто звуки дошли с другой планеты. Люди — все в вечерних нарядах, в костюмах, в платьях, в тогах, в чёрных перчатках — улыбались, здоровались, но их глаза... их глаза были полны скрытой напряжённости. Казалось, каждый из них — не просто гость, а представитель древнего племени, готового в любой момент перейти в режим защиты, схватиться за нож, за меч, за что угодно — если потребуется. Они улыбались, обменивались фразами о погоде, о погоде, о погоде, но за каждым словом — как за маской — скрывалась готовность к бою. Их улыбки были не просто вежливыми — они были как лезвия, острые, но сдержанные, будто каждый миг — это баланс между добром и яростью, между гостеприимством и жестокостью. Я чувствовала это — в воздухе, в тишине между фразами, в том, как они смотрели на меня — не сверху вниз, не снизу вверх, а снизу, снизу, как будто я — часть их иерархии, которую ещё предстоит понять.

Через тридцать минут, когда была окончена официальная часть встречи и представлены все кланы — от древних ари-

стократических родов, чьи имена упоминались ещё в хрониках Средневековья, до новых, только что возникших объединений, приближённых к торговым гильдиям и тайному обществу магов-искусников, — официанты, одетые в тёмные сюртуки с вышитыми серебром нашивками, начали разносить напитки. Хрустальные подносы, тяжёлые от драгоценных бокалов, медленно покачивались в руках, словно живые существа, несущие в себе ароматы вин, эльфийского меда и редкого, почти легендарного «северного сливового сидра» — напитка, который подавали только по особым случаям, при священных церемониях.

София Холанд, всегда находившая внимание, будто бы окутывая его вокруг себя, как шарф из тончайшего шелка, даже если у неё был истинный, сияющий, как лунный свет, — она умудрялась флиртовать с отцом дома Блэквуд, Фредериком Блэквудом, ныне ушедшего «на пенсию», но всё ещё сохраняющего за собой ту самую пронзительную грацию, что делала его появление на мероприятиях настоящим событием. Её взгляды, ласковые, но с лёгкой иронией, скользили по нему, будто она читала его мысли, улыбаясь тем самым тонким, чуть насмешливым уголкам губ, что были ей так свойственны. А я — я, наоборот, чувствовала, как на меня устремляются взгляды, мерзкие и липкие, будто кто-то протянул к моей коже влажные пальцы. Они впитывали в себя всё: мою осанку, мои движения, даже то, как я держала

руку у подбородка, — словно оценивали, что можно выжать, что можно украсть. От этих взглядов хотелось немедленно помыться, как будто я только что прошла через грязный тоннель, и от этого ощущения в груди появлялось тяжёлое давление, а в горле — першение.

Чтобы перевести дух, чтобы хоть на миг избавиться от этого ощущения пристального, жадного внимания, я резко встала со стула, словно оттолкнулась от чего-то внутреннего, и сбегала вниз по лестнице, ведущей в женский туалет — просторный, с высокими потолками, зеркальными стенами, увешанными канделябрами, в которых отражались не только гости, но и их тени, будто бы живущие отдельно. Я прошла по длинному коридору, изгибающемуся, как змея, поворачиваясь раз за разом — вперёд, направо, влево, снова вперёд, словно пыталась уйти от чего-то, что не могла увидеть, но чувствовала. И вот, наконец, добралась до двери — тяжёлой, из орехового дерева, с медной ручкой в виде львиной лапы. Открыв её, я шагнула внутрь — и впала в ступор.

Передо мной распахнулось не просто помещение для умывальника. Это был настоящий дворец — широкий, с высокими арочными окнами, за которыми простирался сад, усыпанный свечами, словно звёздами, и окутанный туманом. По центру — огромный мраморный раковинный умывальник, украшенный лепниной в виде плавающих лебедей. На

стенах — фрески, изображающие древние мифы, где женщины с глазами, полными печали, сидели на террасах, глядя в пустоту. А в углу, у двери, — старинный шкаф, открытый, и внутри — куча старых, потрёпанных, но ещё сохранивших форму писем, обернутых шёлком, с восковыми печатями, на которых были изображены гербы, давно забытые. Одно из них — с надписью «Для Сильвии, 1843» — оставило у меня лёгкое дрожание в руках. Я не могла понять, кто эта Сильвия, но почувствовала — кто-то здесь уже был. Кто-то, кто знал, как выглядит страх, и как он выглядит в письме.

И в этот миг я поняла: я не просто убежала от взглядов. Я попала в место, где время, казалось, остановилось — и где каждый шаг, каждый взгляд, каждое дыхание звучали как тихий, но отчётливый сигнал: «Ты не одна. И ты не та, за кого себя выдаёшь.»

В небольшой гостиной, тесно прижатой к уютной городской улочке, где за старыми деревянными ставнями пульсировала тишина, оперевшись в стол с такой силой, будто пытался проникнуть сквозь саму мебель, стоял мужчина — резкий, как удар молотка по стеклу. Его тело, вытянутое в напряжённой позе, казалось, было создано не для обычного быта, а для чего-то большего — может, для сцены, может, для кадра из фильма, который никто не должен был видеть. Широкие, как у борца, плечи, обнажённые до последней детали, сияли от пота, капли которого стекали по хреб-

ту, оставляя тонкие полоски на коже. На них, словно по телу вдруг полезла живая тень, лежали женские руки — длинные, изящные, с ногтями, выкрашенными в глубокий, как закат, красный лак. Каждый ноготь — будто миниатюрная башня, устремлённая вперёд, как будто держалась за его тело, чтобы не упасть.

А тонкая, почти хрупкая талия — словно выточенная из мрамора — была плотно зажата между двумя невероятно длинными, стройными ногами, которые, будто гибкие пружины, впивались в его бёдра, сжимая, вытягивая, выдавливая из него каждый сантиметр энергии. Он двигался ритмично, без лишних движений, как будто сама природа подстроила под него ритм — то ли сердце, то ли дыхание, — и каждый вдох, каждый выдох сопровождался тяжёлым, пронзительным стоном, разлетающимся по комнате, будто музыка из другого измерения.

Женщина, прижавшаяся к нему спиной, с закрытыми глазами, выгибаясь, словно арка, издавала тихие, томные звуки — не то стоны, не то шёпот, — которые будто бы исходили из самых глубин её тела, из тех мест, что даже в кино редко показывают. Я стояла у двери, оцепенев, не в силах пошевелиться, а мой взгляд, как будто прикованный к этой картинке, не мог оторваться. В голове мгновенно пронеслась мысль: «Это же не просто сцена — это съёмка порно, кто-то снима-

ет... кто-то снимает прямо здесь, в этом доме, в этой гостиной, и я — случайный зритель, которого не предупредили».

И в этот момент, когда мужчина врезался в неё с такой силой, что стол дрогнул, а ваза на тумбочке чуть не упала, я поняла: это не фильм, не фантазия, а живая, дышащая, трепещущая реальность — настоящая, грубая, почти агрессивная, но при этом — потрясающе красивая. И только через минуту, когда всё стихло, а в гостиной повисло тяжёлое, дрожащее молчание, я наконец сделала шаг назад — и поняла, что больше никогда не буду смотреть на обычную мебель так же, как раньше.

2. Доминик

Сегодня был один из самых дурацких дней в году — день новой луны, когда весь наш второй мир, словно с ума сошёл, впадает в паническую истерику. Каждое годовое возвращение лунного цикла превращается в грандиозный театр безумия, где каждый клан выставляет своих «высоких гостей», а фамильные дома обретают вид бегущих по краю пропасти марионеток, подчиняющихся жестокой иерархии. Я, как сын дома Блэквуд, обязан был ради приличия провести пару официальных танцев с разными «завидными» невестами — от дочерей могущественных кланов, до племянниц старейшин, которые, по их мнению, должны были бы «облагородить» моё имя. А потом, по обещанию отца, я должен был получить свободу — наконец-то, хоть на несколько часов, избавиться от этой пытки.

Выдержав первые двадцать минут ужаса, когда в моём фамильном доме, с его готическими сводами, древними канделябрами и ледяным холодом, снуют сотни теней — ведьмы, вампиры, охотники, даже одноглазые баронессы, — я начал понимать, что это не просто вечеринка, а настоящая война ментальных катализаторов. Особенно меня бесит то, что именно ведьмы, эти злобные, коварные, мстительные твари, словно стая ворон, снуют по коридорам, шипя в полголоса,

пугая слуг, поджигая ковры и, главное, — смотря на меня с такой ненавистью, будто я лично убил их матерей.

Я терпеть не могу ведьм. Это — единственные существа в нашем мире, которых ненавидят почти все медведи. Их не любят не только за то, что они могут сжечь твой мозг одним взглядом, но и за то, что они умеют думать, как змеи, вести себя, как дьяволы, и быть такими же непредсказуемыми. Они — как вирусы, рассеянные по телу мира: вредные, своенравные, ревнивые, и хватит — и они уже сожгут тебя дотла, не спросив, кто ты такой. Особенно — семейство Холанд. Эти девицы, как и их предки, — настоящие беспощадные стервы. Их магия — не просто сила, это оружие, выточенное из яда и злобы. Каждая из них — как мини-дьявол, готовый взорвать всё вокруг, лишь бы кто-то посмотрел на неё с недоверием. Их держат в страхе даже старейшины — а уж я-то и вовсе боюсь, как бы они не сожгли мой фамильный амулет, который висит у меня на шее.

— Доминик, дорогой, ты уже скучаешь? — ко мне подходит Александра. Волчица, за сорок, но выглядит так, будто только что вышла из мрачной сцены, где светился только её глаз. Аппетитная, как сама тьма, с кожей, отливающей серебром, и взглядом, в котором — и жажда, и усталость, и... что-то ещё. Что-то, что заставляет сердце замедлять биение. Она говорит слишком много — не потому что хочет, а пото-

му что боится молчать. Её голос — как шелест пепла, с которым можно сойти с ума.

Александра — вдова. Её мужа убили охотники, но дело не в этом. Он был не её истинным — просто договорной партнёр, призванный укрепить связи между кланами. Их союз был сделан, как сделка: никто не любил друг друга, но каждый выполнял свой долг. И вот — она одна. Остались только воспоминания, пустота в груди и тень, которая больше не может найти себе места.

А я — периодически с ней спускал пар. Не потому что хотел, а потому что она была единственной, кто не требовала от меня ничего, кроме одного: быть собой. Без масок. Без лжи. Без этой пресловутой «доброй вежливости». У неё не было желания стать женой Блэквуда, не было амбиций, не было мести. Просто — секс. Страсть. Настоящая, без прикрас, как у тех, кто живёт на краю.

— Пошли! — единственное, что я бросил ей, — коротко, резко, как приговор. И тут же потащил её в небольшую комнату рядом с женским туалетом — маленькую, тёмную, с единственным окном, за которым виден лишь каменный двор, озарённый лунным светом. Здесь, в этом укрытии, где никто не сможет увидеть, где не будет слышно голосов, где воздух пахнет старым деревом и мокрой кожей, — мы и ока-

зались.

Дверь захлопнулась. Шторы задернулись. И в этот миг — мир застыл. Никаких танцев, никаких ожиданий. Только мы — и тишина, в которой каждый вздох звучит как крик.

«Истинная!» — заорал внутри медведь, и от этого крика, пронзительного, словно рваный выстрел из древнего рога, в стенах пещеры, где ещё недавно разливался мягкий свет лампы и пахло кожаными переплетами, зазвенело всё — и металл, и дерево, и даже воздух, будто он сам вдруг стал тяжелее. Зверь, огромный, с шерстью, похожей на тёмный бурл, — словно вырезанный из ночи, — рванулся вперёд, словно его высвободили из ловушки, удерживавшей его десятилетиями. За ним — тень, хрупкая, как листья на ветру, — маленький силуэт брюнетки в бордовом платье, обтягивающем тело, будто она была вырезана из раскалённого шёлка. Её шаги, едва слышные, будто шёпот, — но уже через секунду они стали громче, чем крик, — и медведь, не раздумывая, взвыл и понёсся следом, словно сбросил с себя все цепи, все ограничения, все мысли, что держали его в плену.

Первое, что я заметил — это глаза. Огромные, зелёные, как свет сквозь мангровые заросли, — полные страха, искреннего, почти детского ужаса, будто она только что вышла из сна, где мир был другим, а теперь снова попала в тот самый, настоящий, где каждый шаг — вызов, где каж-

дый взгляд — судьба. И губы... пухлые, будто их только что нарисовали, с лёгким оттенком помады — бордовой, как её платье, — и, кажется, даже в этом состоянии, в панике, она думала о себе: «А вдруг я испачкалась?» — но это было уже не важно. Важно было другое: она — *истинная*. Та, кого ждало сердце, тело, разум — всё, что когда-то было заложено в меня, когда я был ещё юнцом, когда первый раз превратился в зверя, и тогда, впервые, почувствовал, как душа вырывается наружу, как тело становится другим, а разум — другим.

И вот теперь, спустя годы, после долгих лет сдерживания, после того, как я учился управлять собой, держать под контролем зверя, который жил во мне, — он снова вырвался. И не просто вырвался — он *схватил* эстафету. Не просто взял — он *перехватил* её, как будто знал: если не сейчас, то никогда. И я — я же, мой собственный разум, мой разум, который раньше умел говорить с ним, думать с ним, договариваться — оказался в ловушке, в крошечной подсобке сознания, как будто зашторил окно, а за ним — кто-то другой. Я не мог пошевелиться. Не мог сказать ни слова. Ни одного движения — ни мышцы, ни даже дыхания, которое бы не было выжато из меня, как сок из перезрелого апельсина. Так бывает разве что в первые минуты, часы, дни трансформации у юнцов — тех, кто только-только научился быть зверем, и ещё не знает, как вернуть себя обратно. А у меня — де-

сятилетия опыта, трижды пережитый трансформационный кризис, и вот — снова, как будто ничего не было.

А мой зверь... он не просто бежал. Он неистово несся за ней, как дворняжка, которая, наконец-то, нашла свою хозяйку. Только не вилял хвостом — он не нуждался в этом. Его хвост был в жестком, тяжёлом, почти мрачном покое — как у древнего воина, который знает, что победа — не в движении, а в решимости. Он не думал, не анализировал, не спрашивал — «а вдруг?» Он просто знал, что она — его. Что она — та, кого он искал, кого ждал, кого должен был найти, пока не потерял. Иначе — конец. Смерть. Полная, необратимая. Как будто ты вдруг становишься не тем, кем был, а тем, кем станешь — без возврата.

— Остынь! — пытался я докричаться до этого существа, которое когда-то было мной, но теперь — уже не мной. Я кричал, как будто мог убедить его, как будто он — человек, а не зверь, который живёт в пещере, где свет — это не лампа, а огонь, пляшущий в глазах. — Ты что, совсем оглох? Она же... она же — она! Она же может быть... опасной!.. — Но он лишь рыкнул — низко, грозно, как будто сказал: «Я знаю. Я и так знаю. И это — моё».

И тут — хлопок. Он резко развернулся, схватил её — не в зубы, не в лапы, а... на плечо. Как будто она была чемоданом,

как будто он — простой, незамысловатый мужик, который несёт вещи домой. И, не оглядываясь, направился обратно в комнату — ту самую, где мы только что, в полумраке, в свете свечей, смеялись, разговаривали, касались друг друга — и где, казалось бы, всё было просто. Где Александре, девушке с глазами, похожими на тёплый янтарь, и голосом, будто вырезанным из старой пластинки, — казалось, было хорошо. Но теперь — всё иначе. Теперь в комнату врывается зверь, который несёт на себе не просто женщину — он несёт истинную. И каждый шаг — как удар по полу, будто земля дрожит. Дверь — с треском. Огонь в свече — дрожит. Стекло в раме — дрожит. Даже стены, кажется, слегка покосились.

— Идиот! Ну кто так делает?! — снова взвыл я, уже не крича, а просто — как будто в голос. Как будто это — последний шанс. Как будто я ещё могу что-то изменить. Но он — он уже не слышал. Он не слышал, потому что его уже не было. Остался только зверь, который несёт свою цель, как крест, как знак, как — обязанность. И я понял: он не просто хотел её. Он должен был её взять. Потому что иначе — через двадцать четыре часа — он уже не сможет вернуться. Не сможет. Потому что зверь, который не получил метку — того самого, настоящего — за первые сутки встречи, начинает звереть. Он переходит в полную, необратимую форму, в которую невозможно вернуться. Он становится — не просто зверем. Он становится безумием. Без сознания. Без разума.

Без имени. Без тебя.

Ты — просто тень, которая больше не может быть собой. Ты — просто зверь, который живёт только тем, что ведёт, что хочет, что должен. И тогда — уже поздно. Уже не вернёшь. Уже не спасёшь. Уже — приплыли к гавани судьбы.

Мы буквально посадили это «счастье» на место той самой Александры — той самой, что когда-то ушла в тень, оставив после себя лишь отголоски страха и трещины в сердце тех, кто ей верил. И вот теперь, когда я почувствовал вкус её крови на кончике языка — горький, сладковатый, с примесью дыма и древних заклинаний — зверь, что жил во мне, как тень в глубине костей, вновь разразился победным рыком, от которого задрожали стены, треснули потолочные балки, а в хрустальных люстрах вспыхнули искры, словно небо над залом разорвалось. Рык этот был не просто звуком — это была волна, пронзившая все пространство, проникающая в уши, в мозг, в самую плоть тех, кто стоял наверху, на балконных галереях, — и каждый из них, даже те, кто не видел, что происходит внизу, почувствовал: кто-то только что вырвался из порабощения, кто-то обрётён, а кто-то — уничтожен.

И тут же, как по волшебству, я снова ощутил себя собой — не зверем, не мутантом, не тенью, а человеком. Контроль над телом вернулся, но не без последствий: пальцы дрожали, мышцы напряжены, как тросы на корабельной мачте, а

в груди — пустота, словно изнутри вырезали сердце. Я пошатнулся, но держался на ногах. И тут — взгляд.

Я посмотрел на девушку. Та, что была вплотную к моей коже, что дышала мне в шею, что, казалось, молила о пощаде, но в глазах — не прощение, а холодная, безжалостная тьма. Она была маленькая, еле доставала мне до плеч даже на каблуках, будто кукла, выброшенная в мир, где она не должна была быть. Платье у неё порвалось у шеи — обрывок ткани висит, как трофей, как признак насилия, как доказательство того, что она не просто жертва, а нечто большее. Нечто, что должно было быть уничтожено.

Но вот взгляд — и всё. Я почувствовал, как внутри что-то оборвалось. Не просто страх, а ощущение, что передо мной не человек, а живой символ древнего проклятья, что-то, что когда-то было сожжено на костре, но вернулось в обличье юной девушки с глазами, полными чёрного света, будто в них собрались все тени мира.

Я отпрянул. Не потому что испугался — а потому что понял. Это не жертва. Это не пленница. Это — ведьма.

И я выдохнул, словно срывая с себя маску:

— Ведьма!!!

Голос мой прозвучал не как угроза, а как приговор. Каждое слово — как удар топора по дереву. В зале наступила тишина. Даже дыхание застыло. А в голове — мысли, как ножи: Кто она? Как попала сюда? Зачем? Но главное — что она сделает дальше?

И тут же, почти мгновенно, я почувствовал, как тело снова начинает подчиняться не мне. Как будто кто-то другой — тот самый зверь, что рычал, — уже не ждёт, а действует. И я понял: победа была краткой. А началась настоящая война.

3. Саманта

— ВЕДЬМА!!! — завопил этот парень, едва приходя в себя после частичной трансформации, сбивчиво выдохнув, будто пытался вырваться из ловушки собственных ощущений. Его глаза, ещё минуту назад обычные, теперь трещали по краям, словно в них впихнули нечто чужеродное — зрачки расширились до предела, а радужки покрылись серебристой дрожью, будто отражали не то светило, не то — что-то гораздо более древнее. Он стоял, задрал голову, будто пытался вдохнуть не воздух, а саму тень, и уже через секунду, не дожидаясь, пока сознание оседлает тело, ринулся ко мне — как будто я была единственной опорой в этом мире, который рухнул.

— Пока ещё нет, идиот! — резко бросила я, отстраняясь, но не успела — он уже схватил меня за шею, как будто хотел убедиться, что я действительно живая, что кровь в моих венах не замёрзла от страха. — Чего ты кусаешься-то?! Ты ж, похоже, не просто псих, а ещё и мутант-каннибал с приступом патологического асоциального Мания!

Я нащупала рану на шее — тонкую, но глубокую царапину, которую этот кретин, судя по всему, облизывал минут десять подряд, словно пытался прочесть в моей коже нечто

сверхъестественное. А потом — внезапно — почувствовала удар, будто кто-то снаружи вбил в грудь раскалённый гвоздь. Боль была такой острой, что даже дыхание перехватило. Я схватилась за сердце — так, будто пыталась удержать его в груди, потому что оно, казалось, вот-вот выскочит наружу. Я чуть не упала со стола, где всего пару минут назад это чудовище, извиваясь, занималось сексом с какой-то незнакомкой, а теперь, как ни в чём не бывало, схватило меня за шею и рвануло к себе.

— Мне плевать, ты ею станешь! Кто ты вообще такая? Кто твоя мать?! — резко дернув за затылок, он впечатал меня в свою грудь — так, что я почувствовала, как хрящи, ребра, мышцы — всё это сжалось вокруг меня, будто я оказалась внутри живого щита. Он дышал так интенсивно, будто в его лёгких не было воздуха, а что-то иное — нечто, что поглощало кислород, а потом выделяло нечто большее, чем просто дыхание. Я чувствовала — он пытается вдоить в себя мой запах, мой страх, мою кровь, моё сознание. Он дышал мной — как будто я была топливом, а он — двигателем, который должен был взлететь, но ещё не понял, куда.

Я же говорю — ну точно псих. Может, луна на него так влияет? Может, он — не просто человек, а тот самый «псих», что рождается раз в семь лет, когда Луна стоит в полной фазе, а солнечный свет не достигает теневых зон Земли? Мо-

жет, это — один из тех, кого называют «кровавыми сыновьями» — порождённых не тем, кто в небе, а тем, что прячется в тених, между звёздами? Или просто — у него, как у всех таких, — несбалансированная нейрохимия, плюс гормональный взрыв, плюс генетическая мутация, вызванная космическим излучением? А может, он просто... влюбился. Всё, что у него есть — это одна-единственная мысль: «Я должен быть рядом с ней. Даже если это убьёт меня. Даже если это убьёт её».

И вот он — стоит, прижимает меня к себе, дышит моим дыханием, а в глазах — не страх, не жадность, а что-то странное... почти благоговение. Будто я — не женщина, не жертва, а нечто, что он ждал всю жизнь. Как будто его тело, его разум, его кровь — всё это — просто механизм, который сработал, когда увидел меня. И теперь он не может остановиться. Не хочет. Не может.

А я — стою, сжимаю зубы, держусь за сердце, и думаю: «Что ж, если уж он такой, значит, надо быть готовой. К чему бы это ни было. К боли. К смерти. К превращению. К тому, что я — не просто человек. А нечто большее. Или — меньше. Но — именно то, что он ищет».

— Я Саманта Холанд... — еле слышно прошептала я, дрожащими губами, потому что его рука, сжимавшая моё горло, наконец-то ослабила хватку, вытянув из плоти когти, кото-

рые впились в сонную артерию, оставив кровавые полосы на коже. От боли у меня перехватило дыхание, глаза сами собой наполнились слезами, а сердце бешено колотилось, будто пыталось вырваться на свободу. Всё тело будто замерло в ожидании следующего удара, но вместо этого — шок: из-под густых, как у леопарда, ресниц проступили глаза, в которых вспыхнул неестественный, словно из ада, красный огонь.

Меня охватило странное оцепенение — не страх, а что-то иное. Потому что передо мной стоял не просто зверь, не просто чудовище, а... он. Он был красив. Настоящим, почти божественным, с правильными чертами лица, с острым подбородком, высокими скулами, мягкими, но выразительными губами, которые теперь были растянуты в оскале — открытом, жестоком, но... притягательном. Даже когда на лице проступили бугры мышц, сжавшихся от напряжения, даже когда клыки, длинные, как у хищника, вылезли за губы, — они казались частью чего-то сверхъестественного, почти поэтичного.

Я не могла поверить своим глазам. Боже... я действительно нахожу это существо... красивым?

Нет, нет, нет! Это же нечто большее, чем просто красота. Это — угроза. Это — опасность, маскирующаяся под идеальность. И всё же... как же он прекрасен, когда смотрит на

меня так, будто хочет разорвать, но при этом... хочет *меня*.

Глаза его, раньше — такие чистые, как утреннее небо, — теперь пылали кроваво-красным, словно кто-то залитый в них огонь, поглотивший всё, что было до этого. Синева, была, как утренняя мгла, — теперь её не стало. Осталась только жаждущая жестокости, безжалостная страсть, которая, казалось, исходит от самого воздуха вокруг.

А потом — он приблизился. Настолько, что я почувствовала его дыхание на своей щеке, тепло, исходящее от тела, его запах — смесь кожи, дыма и чего-то терпкого, древнего, как сама земля. Его бедро коснулось моего — и я почувствовала, как что-то твёрдое, мощное, жёсткое, но при этом живое, давит вниз, сквозь тонкую ткань его брюк. Он не просто стоял — он *направлял* себя ко мне. Как будто я — цель, к которой он уже давно стремился.

Меня охватил холодный ужас, но... в голове, в глубине, вспыхнула какая-то искра. Не страх, а... возбуждение? Нет, не то. Просто оцепенение. Я не могла пошевелиться. Не могла отвести взгляд. Он — не человек. Он — нечто большее. И всё же... он мне нравится.

И тут — громкий, оглушительный хлопок. Щёлкающий,

как выстрел, удар по щеке. Я вскрикнула, откинувшись назад, но уже через секунду — поцелуй.

Не нежный, не ласковый. А такой силы, что я почувствовала, как зубы впиваются в мою губу, как язык проникает глубоко, как мускулы лица сжимают моё лицо в тисках. Он не целовал — он *завоёвывал*. Каждый вдох — это было как удар молнии. Я думала, он сейчас оторвёт мне голову, сорвёт с шеи, разорвёт — но нет. Он держал меня, как драгоценность, как нечто ценное, как своё. И в этом — была вся его сила.

Я думала, что умру от страха. Но вместо этого — внутри меня что-то тронулось. Зазвенело. Загорелось.

Он не просто хотел меня. Он знал меня. И, возможно, я — тоже его.

Мой мозг после его вкуса во рту улетел в космос — туда, где нет ни времени, ни границ, где рациональный рассудок уступает место буйному, животному инстинкту. Все радары, отслеживающие безопасность, логику, приличия — всё было выключено. Я больше не замечала, кто я, где нахожусь, кто вокруг. Осталась только жара, которая разлилась по телу, как раскалённый металл, и ощущение, что я — не личность, а просто живое тело, пульсирующее в такт его дыханию, его движениям, его грубой, но невероятно точной любви.

Его губы — не просто губы, а оружие, с которым невозможно справиться. Они были до одури необходимыми, как воздух, как кровь, как сама жизнь. Каждое прикосновение — как удар молнии, заставляющее нервные окончания вспыхивать, как фосфор. Он сжимал мои губы своими — не нежно, а с той силой, которая говорит: «Ты моя. Только моя. И больше никому». От одного этого давления по телу прошла волна мурашек — от укуса на шее, где кожа покраснела и стала чувствительной, — до самого низа, до тех самых глубин, где начинается тело, не подчиняющееся воле. Там, где дрожь, как от электрического удара, заставила меня сжать ноги, чтобы унять это бешеное, неистовое томление, чтобы хоть немного охладить пульсацию, бьющуюся в моих мышцах, в сосудах, в сердце.

Но он не дал мне уйти. Его тяжёлый, глубокий рык, будто вырвавшийся из недр дикого зверя, заставил моё тело замереть. Он не позволял мне даже подумать о том, чтобы бежать, смягчить, уйти в себя. Его сильные, как стальные тросы, руки удерживали меня — не крепко, но безжалостно. И вот — удар большим пальцем, с длинным, острым когтем, по бедру. Ткань платья, дорогое, тонкое, сшитое вручную, как будто и не существовало — она просто рванулась в стороны, будто её не было. И в этот миг я оказалась открыта — не только глазам, но и его рукам, и его взгляду, и, главное, —

его желанию.

Он увидел меня. Увидел ту самую, настоящую, не одетую, дрожащую, готовую к любому, кто сможет её взять. И не стал ждать. Его палец — резкий, уверенный — скользнул по моей промежности, и от одного лишь прикосновения тело вздрогнуло, как от гипнотического удара. Оно словно ожило — каждая клетка, каждый нерв, каждый пульс закричал: «Еще! Больше! Надо!» — и не важно, что это за чувство, не важно, что оно не имеет названия. Это было — требование. Сладкая, дикая, неистовая потребность быть тронутой, быть принятой, быть разбитой, быть восстановленной.

Я не могла больше сдерживаться. Мой стон вырвался — громкий, непристойный, почти дикий, будто я впервые за долгое время почувствовала, что живу. Он замер, резко оборвал поцелуй, отстранился — и посмотрел на меня. В его глазах, полных тьмы и страсти, мелькнуло что-то вроде удивления, но не от меня, а от того, что я — *настоящая*. Он увидел, как дрожит моя кожа, как расширились зрачки, как дышит тело — не дыша, а просто живя. И, покачав головой, как будто говоря: «Ты — это и есть моя цель», — он улыбнулся. Улыбка была не той, что улыбают на вечеринке. Это была улыбка хищника, который нашел добычу и знает — она не уйдёт.

А потом его руки — те самые, что держали мою талию, — резко, без предупреждения, потянули моё тело вперёд. Я упала на колени, чуть не потеряв равновесие, но он не дал упасть. Его тело нависло надо мной, как скала над ущельем. Он прижал моё тело к себе — не просто, а так, что я почувствовала каждое его движение, каждый вдох, каждый ритм, как если бы мы были одним организмом. Его грудь — тяжёлая, мощная — плотно прижималась к моей спине, а руки — уже не просто держали, а удерживали, удерживали, удерживали, как будто боялся, что я исчезну.

И опять — поцелуй. Не нежный, не деликатный, а настоящий, жестокий, проникающий. Он впивался губами, как будто пытался втянуть меня внутрь себя, в себя — в свою плоть, в своё дыхание. Его язык, тяжёлый, как трос, проникал в мой рот, переплетаясь с моим в извне — не в танце, а в битве, в борьбе за право быть первым, за право быть единственным. Он рычал — не для того, чтобы кого-то напугать, а чтобы сказать: «Я здесь. Я — твой. Я — твой, и ты — мой. И больше никто не войдёт».

Я не могла дышать. Я не хотела. Я дышала его дыханием. Каждый вдох — его. Каждый выдох — мой. Мы дышали одним кислородом, как будто сливались в одно существо. Он подхватил мои бёдра — одной рукой, другой — за талию — и мягко, но непреклонно, усадил на диван. Я оказалась на

краю, почти на грани, но он не отпустил. Он остался сверху, прижав меня, как будто бы я была его собственностью, его территорией. Поцелуй не прекратился — он стал ещё глубже, ещё настойчивее. Он не давал мне ни секунды передышки. Ни одной мысли, ни одного сомнения — только ощущение, что я — часть его, что я — его, что я — его.

Когда я попыталась обхватить его плечи — не для того, чтобы оттолкнуть, а чтобы удержать, чтобы он не ушёл, не смел уйти — мои руки сами собой охватили его, как будто я была не в себе. Я цеплялась, как последняя надежда, как будто если он уйдёт — я исчезну. Я не хотела быть самой собой. Я хотела быть его. Я признавала его силу — не как слабую, а как абсолютную. Я признавала его право быть тем, кого я ждала. И в тот же миг — я сказала: «Я твоя. Я — твоя. Я — твоя.»

Он — мой. Этот медведь, этот хищник, этот зверь с глазами, полными тьмы и страсти — теперь только мой. И я — его. Навсегда. Без оговорок. Без условий. Без возврата.

Это выше нас, наших распрей и ненависти видов друг к другу, даже выше правил нашего мира, который запрещает такой союз. Мы — не просто двое, сталкивающихся в битве судеб, мы — два огненных тела, столкнувшиеся в буре, где законы земли рушатся, как хрупкое стекло, а молвленные слова богов — лишь шепот ветра, не способный остановить

бушующего пламени. Боги сегодня были явно разгневаны, их гнев сгустился в тучах над горами, раскаты грома пронзали небо, будто бы сами они сомневались в том, что позволили такому сожжению душ произойти в их вечной пустоте. Но разве они спрашивают нас, когда дарят истинность? Нет. Они не спрашивают — они просто дают, как дают свету, как дают жизнь, как дают боль, которая делает поступок настоящим. Истинность — не то, что можно обсудить, она — как молния: мгновенна, необратима, оставляет след на коже, на разуме, на сердце.

Мы нервно дышим, испепеляя друг друга глазами — каждый взгляд — как удар кремневого кремня о железо, искра, которая не гаснет, а разгорается. Мы переводим дыхание, будто выживаем после удара молнии, и снова продолжаем этот дикий поцелуй, словно бы не существовало ни времени, ни границ, ни тех, кто мог бы нас остановить. Губы горят, обкусаны, покрыты следами зубов, крови, слюны — но это не признаки разрушения, это — печать, подпись, подтверждение того, что мы живы, что мы — не просто тела, а сущности, вырванные из привычного порядка.

Внезапно он замкнул мои ноги кольцом на своей талии — резко, почти жестоко, но с той страстью, что рождается не от желания, а от потребности быть вместе, быть единым. В тот миг во мне что-то проснулось — не просто влечение,

не просто жажда, а нечто древнее, дикое, первобытное, что укоренилось в самом сердце, в генах, в памяти о тех, кто жил в пещерах, кто боялся не смерти, а забвения. Я почувствовала это в каждом нерве, в каждой клетке — и тут же, не раздумывая, сильно укусила его за нижнюю губу.

По ухоженной, аккуратно подстриженной бороде побежала тонкая струйка ярко алой крови — не та, что от пореза, а та, что вырывается из глубины, из плоти, которую он держал в порядке, как символ чести, как украшение, но теперь она растеклась, как живая краска, искажая его лицо. Его глаза так сильно прищурились, что если бы можно было убить взглядом, используя его как лезвие ножа — будьте уверены, я была бы мертва. Взгляд его стал острым, как коготь, и в то же время — глубоким, как пропасть, куда нельзя вернуться. Он смотрел не на меня, а в ту часть меня, которую я сама себе ещё не открыла.

— Ты что творишь, дикая кошка? — пробормотал он, сжав мои, натренированные, как стальные пружины, булочки — те самые, что когда-то помогали мне карабкаться по камням, как по лестнице, что ведёт к вершине мира. Его голос дрогнул, но не от страха — от напряжения, от чувства, что он не знает, что с этим делать. И тогда он покрылся по рукам шерстью — не настоящей, а той, что появляется в мгновениях полного отказа от контроля, когда тело начинает ме-

нять форму, становясь чем-то средним между человеком и зверем. Шерсть покрыла его руки, плечи, как будто существо, которое он когда-то был, исчезло, и на смену ему пришло нечто большее, древнее, нечеловеческое.

— Я тебе не очередная твоя шлюха, которую ты тут трахаешь, скрестив их ноги вокруг своей сраной талии! — выдохнула я, и каждый слог был как удар кулаком по столу. — Сделаешь так еще раз — и я выцарапаю тебе глаза, а затем навсегда исчезну из твоей жизни! Я не твоя игрушка, не тень, не добыча. Я — то, что ты не сможешь забыть, даже если захочешь. Я — твоя тень, которая стала светом.

Я действительно вела себя сейчас как кошка — не как ведьма, не как мстительница, не как жертва, а именно как кошка: осторожная, пугливая, но готовая к атаке. Я приблизилась к месту укуса — медленно, как будто лизала не кровь, а тайну, — и лизнула почти свернувшуюся струйку крови. Её вкус был горьким, сладким, с оттенком железа и огня. Это была не просто кровь — это была дань, дань жизни, дань битвы, дань тому, что мы — не просто двое, а один организм, разделённый только плотью.

— Кровь за кровь, истинный! — прошептала я, и в этом слове — не просто угроза, а клятва. Клятва, которую не нарушают. Клятва, что если кто-то коснётся меня — он запла-

тит.

— Скажи спасибо, что твоя девушка еще дышит, — прошипела я, — была бы медведица — оторвала бы ей голову. А я — не медведица. Я — то, что выживет. То, что останется. То, что будет ждать тебя, даже если ты скроешься в пещере, даже если уйдёшь в пепел. Я — не твоя тень. Я — твой след. Я — твой конец. Я — твой начало.

Властные, сильные руки, словно стальные клещи, стиснули мои бёдра, прижав к его телу с такой силой, что казалось, каждый костяк моего тела сейчас треснет под давлением его желания. От его груди к моему телу пронёсся звериный рокот — глухой, низкий, почти ощутимый, как удар басового барабана, — и этот звук, будто живой, проник в мои нервы, пронзил душу и разлился по телу волнами, заставив мое тело выгнуться дугой. Я знала — на следующее утро на коже останутся огромные, глубокие синяки, схожие с отпечатками лап Хелены, мифического медведя, который когда-то оставил свой след на древних скандинавских землях. Этот неугомонный, неистовый зверь, поглощённый своей страстью, то ласково гладил меня по бёдрам, то с такой яростью сжимал, будто хотел впиться, как в добычу, заставляя моё тело подчиняться его воле, словно живое, дышащее повеление. Я выдавливала из себя неприличные, дрожащие стоны, теряясь в потоке чувств, впиваясь в его губы, впитывая каждый поцелуй, каждую жаркую вспышку, пока он медленно, почти с

поклонением, проводил пальцами по моей шее — его кожа была чуть шершавой, как у тех, кто живёт в дикой природе, где каждый день — битва за выживание. Его пальцы, тяжелые, но удивительно нежные, оставляли на коже ощущение огня, а потом он наклонялся, прижимался к яремной вене — той самой, что пульсировала у меня в горле, будто пыталась вырваться наружу, чтобы отдать своё сердце ему, напевая ему песню своей страсти, громкую, дрожащую, неумолкающую.

— Моя, — хриплый, почти рычавший шепот, будто из глубины леса, — мой, и только мой.

Его губы, тяжелые, влажные, впились в мою шею — не просто поцелуй, а укус, глубокий, почти жестокий, — и в тот же миг я почувствовала, как внутри всё резко сжалось, как будто сердце выскочило из груди, чтобы упасть в его ладони. Он обхватил мое лицо, пальцы впились в щеки, будто пытаясь удержать меня, не дать убежать. Глаза его были полны огня — не просто страсти, а чего-то большего: боли, обиды, непереносимого желания быть моим, быть единственным. Он повторял это снова и снова, словно заклинание: *«Моя... моя... моя...»* — с такой яростью, с такой болью, что мне стало страшно — не от него, а от того, что я действительно теряю себя, теряю границы, теряю себя в его глазах. Я чувствовала, как внутри меня что-то ломается, как будто моё тело, моё сознание, мои мысли — всё это ста-

новится частью его. Ненавижу истинность! Ненавижу, когда правда настолько жестока, что хочется выть.

Несмотря на протестующую, панически сжавшуюся часть мозга, которая кричала: *«Стоп! Это слишком! Это не твой путь!»* — я ничего не могла с собой поделать. Я могла только кивать, как заведённая, сжимая его руки своими, пытаюсь хоть как-то унять его злость, хоть как-то утихомирить тот буйный огонь, что пылал в нём. Но его злость была не просто эмоцией — она была телом, дыханием, кровью. Она жгла, как раскалённый железный прут, выжигая все мои привычные, уравновешенные чувства, оставляя после себя лишь пепел и дым. Его эмоции — те самые, что не умещались в рамки человеческой логики — переполняли меня, проникали в каждую клетку, заставляя дрожать, дышать чаще, терять контроль. Его возбуждение, его звериная потребность — не просто в сексе, а в метке, в том, чтобы вложить в меня свою суть, вставить себя в меня так, чтобы никто больше не смог меня коснуться, не смог почувствовать, каково это — быть моей. Он хотел войти в меня — не просто физически, а душой, не просто войти, а стать моей частью, моим продолжением. И от этой мысли внутри всё сжималось, как будто тело само готовилось принять его, как древний храм принимает жертву.

Я чувствовала, как наша кожа начинает покрываться тон-

кой плёнкой пота, как будто каждый мускул, каждая нервная клетка — всё это уже не моё, а его. Воздух вокруг нас стал плотным, вязким, как смола, в которую впали. Всё, что было до — спокойствие, разум, душевная уравновешенность — ушло. Осталась только волна, сильная, непреодолимая, несущаяся от его тела к моему, словно цунами, разбивающееся о скалы моего сознания. Я не могла больше думать, не могла говорить, не могла даже вслух произнести «нет» — тело само отвечало на его прикосновения, на его взгляд, на его дыхание. Я только молча смотрела в его глаза, в те самые, что светились, как уголья в печи, и шептала себе: «Ба, спаси меня...» — не знаю, к кому обращалась, но, наверное, к тому, кто когда-то научил меня быть собой, кто когда-то дал мне силы быть сильной. Ибо сейчас — я была не собой. Я была его. Его телом, его желанием, его болью. Его — и, кажется, только его.

— Успокой моего медведя, пока я не сделал глупостей, — прохрипел этот невозможный мужчина, голос его дрожал, будто от боли, вырываясь сквозь перекошенные гортани и обжигающие хрипы. Его тело начало дрожать, будто внутри него бушевала неумная стихия, а кожа вдруг напряглась, словно натянутая на деревянный каркас, и тут же начала подниматься волной — первые щетинистые волосы, тёмно-коричневые, как земля после дождя, начали выползать из пор, окутывая тело, словно живой ковёр, растущий с ужасающей скоростью. Клыки, раньше казавшиеся обычными зубами,

теперь вылезли вперёд, превратившись в острые, как ножи, отполированные, будто выточенные в древних лесах, и от их кончиков потекла тягучая, липкая слюна — она капала на пол, оставляя на плитке тёмные пятна, похожие на следы старой крови. Челюсть, словно разъезженная кем-то изнутри, начала расширяться, искажая черты лица — оно превратилось в страшную, почти монстроподобную пасть, где глаза стали маленькими, жёсткими, как осколки стекла, а зрачки — вертикальными, как у настоящего медведя. Кожа треснула, как старая кора, и из трещин вырвалась шерсть, покрывая всё тело — сперва на руках, потом на спине, уже на шее, вплоть до шапки, и даже на лбу, где она смыкалась, словно ожидая, когда наступит полный превращение. Он застонал — не от боли, а от ощущения, что его тело больше не его, а что-то другое, древнее, дикое, живое, требующее свободы. И всё это — чтобы успокоить того самого медведя, которого он, возможно, сам же и вызвал, — не тело, а сила, которая жила в нём, как тень, как проклятье, как последнее прибежище для тех, кто не может быть человеком, но и не хочет быть зверем.

4. Саманта

Я слышу грохот за стеной — сначала глухой, будто кто-то с силой ударил по деревянной двери, потом — резкий треск, словно сама структура дома не выдержала напряжения. И вдруг — дверь с грохотом отлетает от косяка, будто её взорвали, и в комнату, как буря, заваливается высокий седовласый мужчина лет сорока пяти, одетый в тщательно скроенный, блестящий праздничный смокинг, от которого пахло дорогими одеколонами и древними тайнами. Его волосы, собранные в хвост, падают на плечи, а взгляд — холодный, пронзительный, как лезвие кинжала, — мгновенно останавливается на мне. За ним, задыхаясь, врывается миссис София Холанд — моя бабушка, всегда столь спокойная, сдержанная, держащаяся с достоинством, словно она — часть старинного замка. Но сейчас она выглядит так, будто её только что вырвали из уютного кресла и швырнули в бурю. Её лицо побледнело, глаза расширились, а рот — полуоткрыт, будто она пытается что-то сказать, но голос отказывается выходить.

Я смотрю на неё — и в этот миг понимаю, что она не просто растеряна. Она в ужасе. Её взгляд бежит от моего лица к моей шее, где, словно чёрная метка судьбы, отчётливо видна отметина — не просто синяк, а именно *метка пары*, оставленная лапой оборотня, которая только что сжи-

мала мою шею, как мёртвую ветку. А потом — взгляд уходит дальше, к мужчине, стоящему рядом. Тот, кто раньше был человеком, теперь — огромный, мощный, с шерстью, переливающейся тёмным золотом под светом лампы, с глазами, горящими зелёным огнём, — настоящий медведь, но не просто так. Он стоит на задних лапах, дрожа, сбиваясь с позы, будто не может понять, кто он сейчас — человек или зверь. Его лапы хрипло царапают пол, а из пасти вырывается хриплый, неразборчивый рык, будто он пытается заговорить, но язык уже не слушается.

— Савана... — прохрипела моя бабушка, и голос у неё срывается, как у старой женщины, впервые увидевшей ужас, который не могла бы себе представить. Она закрыла рот рукой, но глаза — уже не отводит. В них — слёзы. Господи, слёзы! Бабушка никогда не плачет. Ни разу. Даже когда умер мой дед, даже когда я, семилетняя, упала с дерева и порезала колено, она сидела рядом, держа мою руку, и говорила: «Слезы — это слабость, Савана, а ты — сильнее». И вот теперь — она плачет. Плачет, глядя на меня, на мою шею, на этого... этого *обезумевшего* оборотня. И в этом плаче — вся трагедия. Я чувствую, как внутри что-то ломается. Как будто моя жизнь, которую я знала, — тихая, спокойная, с книгами на столе и уютным пледом на диване — рушится, как карточный домик.

Я поворачиваюсь к парню, чьи руки до сих пор держат меня — но уже не как человека. Теперь это лапы. Медве-

жьи. Жёсткие, покрытые густой шерстью, с острыми когтями, которые, кажется, впиваются в кожу. Он вскочил на ноги, резко, почти с оглушительным хрустом суставов, и, не теряя времени, схватил меня — не как жертву, а как *свою*. И в следующую секунду — вся его одежда, смокинг, ботинки, галстук — резко рвётся, будто была сделана из бумаги, и падает на пол жалкими, бессмысленными лоскутами. Он — полный оборотень. В полном, без остатка, обличье. И это — не просто преобразование. Это — *высвобождение*. Полнейшее. Оно происходит в самый разгар праздника — *Восхода новой луны*, когда сила клана достигает пика, когда кровь земли греет, а небо — тёмное, как бархат. И в такой момент — медведь, который не может себя сдержать, — это катастрофа. Это проклятие. Это — конец всех правил.

— Доминик... сын... не надо... — пробормотал кто-то. Голос — тяжёлый, сдержанный, как будто из-под камня. Я поворачиваюсь и вижу — передо мной стоит *он*. Глава клана оборотней. Лазарус Блэквуд. Его глаза — как у древнего зверя, смотрящего сквозь века. Он стоит, не двигаясь, как статуя, но каждая его черта — как вызов. Он в смокинге, но в нём — не шутка. Это — маска. Это — символ власти. Это — призыв. И я понимаю: этот мужчина — не просто отец. Он — закон. Он — судья. Он — тот, кто определяет, кто из нас — жив, а кто — уже не человек. А теперь — он смотрит на меня. Прямо. Без страха. Без жалости. С тем самым спокойствием, которое бывает только у тех, кто

знает, что у него есть право на всё. Даже на то, чтобы убить. Даже на то, чтобы взять меня — не как дочь, не как внучку, а как *свою* — как часть клана. Как часть своей судьбы. И я впервые понимаю, что не просто *живу* с бабушкой. Я — *связана*. И эта связь — не только кровью. Она — меткой. Она — луной. Она — *обязанностью*.

Он попытался приблизиться к нам, шагая тяжёлой, словно сонный гигант, поступью, его мощные ботинки впивались в деревянный пол, оставляя следы, будто он шёл не по полу, а по тонкой плёнке льда. Всё вокруг будто замерло — даже воздух стал тяжелее, как будто кто-то встал на колени и удержал дыхание. Но Доминик, стоявший на задних лапах, словно древний воин, закинул свою огромную медвежью голову к небу, раскрыв пасть, и издал предупреждающий боевой рык — низкий, дрожащий, пронизывающий насквозь. Этот звук не просто пронёсся по комнате — он отразился от наших тел, как отражение в зеркале, и впитался в старые кирпичные стены, будто в них заложена память о древних битвах. Звук стал тяжёлым, глухим, ощутимым — он словно врезался в кости, заставив сердце замереть, а мышцы сжаться в напряжённой дрожи.

А отец Доминика, мужчина, который когда-то был спокойным, почти тихим человеком, едва не потерял контроль — его глаза вспыхнули желтым огнём, зрачки стали вертикальными, как у хищника, а кожа покрылась лёгкой дрожью, будто под ней бурлила скрытая сила. Он чуть не перешёл в

трансформацию, сжав кулаки так сильно, что костяшки побелели, а вены на руках вздулись, как канаты. Но он удержался — глубоко, медленно вдохнул, и по телу пробежала рябь звериной силы, будто живое электричество прошлось по мышцам. Эта волна пронеслась по комнате, оставив после себя ощущение жара, запаха сырой шкуры и древнего дерева — и растворилась в воздухе, словно никогда и не существовала.

Моя бабушка, вышедшая из шока, всё ещё бледная, с опущенными вниз руками, сделала шаг вперёд, пытаясь дотянуться до меня, крепко обняв за плечо — но тут же медведь снова издал свой рык, уже не предупреждающий, а приказывающий. Он сжал меня одной лапой на плече, словно я был его частью, а свободной, огромной, с когтями, как у кремневого топора, разодрал диван — не просто порвал, а буквально разорвал на две части, будто это была бумага. Подушки вывалились, наполнитель рассыпался по полу, а деревянные рейки треснули, словно их разделили молотом. Зверь не просто отчитался — он продемонстрировал: к его паре никто не имеет права подходить. Никто. Ни один живой человек. Ни даже родная бабушка.

Медведь в боевой форме — это не просто хищник. Это живая крепость, олицетворение силы, которая не знает пощады. Его тело, натянутое на кости, покрытое густой, как у древнего зверя, шерстью, излучает угрозу. Каждое движение — это расчёт, каждый взгляд — приговор. Он не просто за-

щищает — он устрашает. Он не боится — он правит. И в этом его сила: не в том, чтобы кого-то убить, а в том, чтобы никто даже не подумал о попытке. Потому что он — закон. Он — Альфа. Он — тень, которая не отпускает.

- София, стой! Медведь в защитной стойке! Он может разорвать кого угодно! — Лазарус Блэквуд резко оттолкнул мою бабушку, пытаясь преградить путь.

- Я выжгу мозги твоему сыну, если он посмеет тронуть мою внучку! — София Холланд вновь шагнула вперед. Вскинув руку, она обрушила свою разрушительную магию.

Медведь рухнул на пол, увлекая меня за собой. Но он не отпускал, сжимая меня еще сильнее. Его зрачки расширились, а тело сотрясало от боли, которая внезапно передалась и мне. Я почувствовала, как магия дома Холланд сжимает мозг Доминика, сжигая его изнутри. Теперь эта агония была и моей. Схватившись за голову, я упала на грудь медведя, захлебываясь криком. Доминик пытался сопротивляться — регенерация клана Альфы боролась против бабушкиной магии. Но наши силы иссякали. Мы умирали вместе, как истинная пара.

- Ба... — Горло пересохло, слова вырывались хрипом, сдирая кожу. Зрачки затопило кровью. Мозг отказывался сопротивляться, медленно сгорая в адском пламени магии дома Холланд. Мы действительно монстры, даже среди своих.

Из ноздрей, ушных проходов и даже рта обильно текла

кровь, наполняя ротовую полость привкусом железа. Тело сотрясало от конвульсий, а липкий пот покрывал кожу, как следствие нестерпимого страдания. Я ощущала себя беспомощной; лишенная своих способностей, ведьма становилась лишь бременем. Единственное, что продолжало поддерживать течение моей жизни, — это духовная связь с истинной парой. Мой медведь, мой покровитель, делился со мной значительной частью своей жизненной энергии, дабы продлить мое существование.

- София, ты губишь их обоих! Немедленно прекрати! — этот полный отчаяния клич предводителя клана Блэквуд прозвучал как последний аккорд, прежде чем я растворилась в безмолвном объятии сознания своего медведя.

Когда сознание вернулось, я обнаружила себя в объятиях огромного, теплого тела. Мой медведь. Его мех, обычно такой знакомый и успокаивающий, казался теперь чужим, а его дыхание — тяжелым. Я попыталась пошевелить пальцами, но тело не подчинялось. Боль отступила, сменившись неприятной пустотой, ощущением, будто часть меня самой исчезла. Но я была жива. Благодаря ему.

Я ощущала его силу, льющуюся в меня, как река, подпитывающая угасающий огонек моей жизни. Но вместе с силой он делился и своей болью. Я видела мир его глазами: серые, покрытые пеплом руины, где еще недавно стоял наш дом. Слышала его отчаяние, его страх за меня, за то, что он

не может меня защитить. Он чувствовал мою слабость, мою беспомощность, и это терзало его.

- Ты должен оставить меня, — прошептала я, мой голос был слаб и едва слышен. - Ты не можешь вечно делиться своей жизнью. Это убьет тебя.

Но он лишь крепче обнял меня, прижимая к себе. Его тело дрожало, словно от холода, хотя воздух был теплым. Он отказывался меня отпускать, отказывался признавать, что наша связь — это не только источник жизни, но и потенциальная гибель.

Его касание, обычно такое утешительное, теперь вызывало тревогу. Я знала, что должна бороться, должна найти в себе силы, чтобы залечить раны, восстановиться. Но я была так истощена, так сломлена, что сама мысль о борьбе казалась непосильной. Единственное, что я могла делать, — это полагаться на него, на его безграничную любовь и самопожертвование, которое, я боялась, скоро нас обоих поглотит.

В этот момент не было ни кланов, ни врагов, ни магии. Были только я, он и эта хрупкая, мучительная связь, которая держала нас на грани жизни и смерти. Черпая остатки сил, я попыталась сосредоточиться, почувствовать его сердцебиение, прислушаться к его мыслям. Нам обоим предстоял долгий путь, и я знала, что это путешествие мы должны пройти вместе, если хотим выжить.

5. Доминик

Пробуждение было мучительным. Я зажмурился, ощущая, будто роговицы распухли, но чуткое обоняние зверя, пробудившегося во мне, тут же подсказало причину моего состояния: я обнимал свою пару. Сердце на мгновение замерло, а слух обострился до предела, уловив даже трепетное чирикание птенцов в саду. Глубокий, прерывистый вздох Саманты, полный боли, вернул меня к жизни. Она жива! Наша пара жива и рядом! Внутри меня взревел зверь, требуя немедленной расправы над теми, кто посмел причинить ей вред. Он жаждал крови, хотел впиться в горло, разорвать, бить до тех пор, пока не вырвет сердце из груди врага.

С трудом я снова попытался открыть глаза. Получилось. Я увидел темную копну волос, прижавшуюся к моей шее, и крошечный, изящный носик, спрятавшийся под подбородком. По венам разливалось ощущение, похожее на чистый, густой мед, с восхитительным ароматом вишни и мускуса. Я не смел нарушить ее легкое дыхание, даже если бы пришлось провести в таком положении весь вечер.

— Сын, ты меня слышишь? — голос отца прозвучал в моем, казалось бы, чудом уцелевшем сознании.

Как альфа, он обладал способностью напрямую общаться с нашими зверями, используя связь клана.

Я попытался сосредоточиться, чтобы ответить, но разум еще был затуманен болью и усталостью. Зверь внутри меня рвался наружу, требуя действий, но я знал — сейчас нельзя поддаваться ярости. Нужно было сохранить контроль, чтобы защитить Саманту и себя. Голос отца звучал снова, мягче, но настойчиво:

— Мы рядом, сын. Ты не один. Твоя сила — наша сила. Верь в это.

Я почувствовал, как напряжение постепенно спадает, а вместе с ним приходит ясность. Медленно, словно пробуждаясь после долгой зимней спячки, зверь внутри меня утихает, уступая место разуму. Я осторожно повернул голову, чтобы взглянуть на Саманту. Ее глаза были закрыты, но дыхание ровное, и это вселяло надежду.

— Мы выстоим, — прошептал я, сжимая ее руку в своей.
— Никто не сломит нас.

В этот момент связь клана усилилась, и я ощутил, как вокруг нас собирается невидимая, но мощная энергия. Это была наша общая воля, наша защита. Я знал, что впереди будет борьба, но теперь я был готов встретить ее лицом к лицу — ради Саманты, ради нашей пары, ради всего, что мы построили вместе.

Сердце снова забилось ровно, а зверь внутри меня превратился из разрушительной силы в стража, готового охранять и защищать. И пока я держал Саманту рядом, я знал — мы непобедимы.

— Отец, я очнулся. Но она... она не приходит в себя. Что мне делать? — Я снова ощущаю себя беспомощным ребенком, столкнувшимся с чем-то совершенно новым. Ни в академии, ни в древних записях нашего рода я не находил упоминаний о такой паре — медведь и ведьма. Как нам теперь быть?

— Я договорился о выходных для тебя и твоей пары. За это время вам нужно будет укрепить метку, чтобы эти ведьмы не смогли действовать против нас. А затем Саманту придется вернуть. — Я чувствую, что отец кипит от гнева, хотя его голос остается ровным.

Слово "вернуть" пробуждает в моем звере первобытный инстинкт защиты, он готов к обороне, к борьбе. Но я подавляю его, чтобы не потревожить ее. Вернуть? Это слово режет слух. Я не отдам ее. Она моя.

— Отец, что значит "вернуть"? Она моя пара. Мой медведь не позволит никому ее отнять. У тебя ведь тоже есть пара, разве кто-то смог бы забрать ее у тебя? — Мой внутренний голос звучит как рычание раненого зверя.

— Вы будете встречаться по выходным. С пятницы по воскресенье. Это необходимо для поддержания метки в первый год истинности. А дальше... сын... как сложится судьба. — В голосе отца слышалась глубокая усталость. Моя истинная пара стала для нашей семьи, и, похоже, для всего клана, настоящим испытанием.

Окружающая меня тишина давит, отец молчит. Я, как ди-

кое существо, напуган, не понимаю, почему мне предъявляют ультиматумы, касающиеся моей избранницы. Пусть она ведьма, мне, как медведю, это совершенно безразлично, я просто испытываю счастье. Но моя человеческая сущность, наоборот, кипит от злости! Я испытываю неприязнь к ведьмам, всегда подозревал, что одна из них причинит мне страдания. А еще эти их требования к встречам по выходным, я еще ни разу не вступал в интимную связь, получив одобрение от совета. Черт возьми!!!

Отец, наконец, нарушил гнетущее молчание, его голос был низким и полным той же тяжести, что давила на меня. «Ты должен понять, сын. Это не личное. Это решение совета. Они видят в ней угрозу». Угроза? Я усмехнулся, но смех вышел горьким. Она, моя милая... моя ведьма... угроза? Она – моя путеводная звезда, источник моей радости. Как они могут этого не видеть?

Моя звериная натура рвалась защищать ее, рычать на тех, кто осмеливался ее осуждать. Медведь во мне не знал предрассудков, он чувствовал только искренность ее прикосновений, теплоту ее взгляда. Но человек... человек внутри меня метался в противоречиях. Годы, десятилетия, когда я сам сторонился ведьм, боялся их, считал их причиной всех бед, теперь повернулись против меня. Этот страх, этот старый, укоренившийся в моей душе страх, оживал.

И эти встречи по выходным... Отвратительное слово «совет» каждый раз вызывало у меня приступ ярости. Я, суще-

ство, которому от природы присуще стремление к свободе, к не связанным правилами отношениям, теперь должен был спрашивать разрешения на то, что должно исходить от сердца? Я еще ни разу не испытал близости, которая была бы омрачена таким унижительным процессом. Я чувствовал себя пойманным в ловушку, обещанным своей человеческой стороной, которая, казалось, решила сыграть со мной злую шутку.

Я сжал кулаки, ощущая, как напрягаются мышцы. Внутри бушевал ураган – смесь страха, гнева и безудержной любви. Любви к той, которую я должен был, по их мнению, отвергнуть. Я не мог. Не хотел. Этот гнев, кипящий во мне, был направлен не только на совет, но и на самого себя, на те предрассудки, которые жили во мне так долго, что казались неотъемлемой частью моей души.

"Отец," – сказал я, мой голос был непривычно хриплым, – "Я не откажусь от нее. Я не позволю им отнять у меня это счастье. Пусть они знают – я буду бороться."

Отец смотрел на меня долго, его взгляд был полон смешанных чувств – гордости, печали, но главное – понимания. Он видел, как передо мной встал тот самый рубеж, который когда-то переступил и он сам, но тогда, в его время, свобода выбора была еще более иллюзорной. «Я знаю, сын. Я знаю, что это тяжело. Я знаю, что ты любишь ее. Но правила, они существуют не просто так. Они – защитный барьер». Барьер, который, казалось, вот-вот рухнет под напором моей решимости.

мости.

«Защитный барьер против чего, отец?» – мой голос казался чужим, полным той старой, забытой породы, что дремала в глубине моей души. – «Против искренности? Против того, что не укладывается в их узкие рамки? Они боятся того, чего не понимают. А я... я понимаю ее. И она понимает меня. Этого достаточно». Моя звериная сущность ревела, требуя действия, а человеческая – ища лазейки, возможности обойти закон. Но любовь оказалась сильнее.

«Ты слишком молод, чтобы понимать всю сложность нашего мира», – вздохнул отец, его слова несли в себе весь груз прожитых лет. – «Совет видит наперед. Они видели, как подобные союзы приводили к трагедиям. К войнам. К разрушению». Я понимал его слова, но они звучали как эхо прошлого, не имеющее отношения к настоящему, к моей жизни, к ней. Моя битва была не за прошлое, а за будущее.

«Я не позволю прошлому диктовать моему будущему, отец. Я не трус. И я не позволю предрассудкам разорвать нас. Я буду с ней. Всегда. А совет... пусть делают, что хотят. Я готов к любому исходу». Я выпрямился, чувствуя, как последние остатки сомнения выветриваются из меня. В моих жилах текла кровь хищника, но сердце принадлежало ей. И пусть весь мир обернется против меня – эта битва будет выиграна.

Отец кивнул. В его глазах мелькнул отблеск уважения. «Я знал, что ты поступишь именно так. И я... я буду рядом. Насколько это возможно». Этого было достаточно. Эта под-

держка, пусть и со стороны, давала мне силы. Я был готов встретиться с гневом совета, с их осуждением. Я был готов к борьбе. Ведь ради нее я был готов на все.

- Как вы могли столь унижительно подчиниться ведьмам, будто стая щенят, идущих на вязку? Вы глава клана оборотней! Я клянусь, я уничтожу любую ведьму, посмевавшую встать у меня на пути.

- Дабы спасти сына, я готов на всё. Если бы не это, Саманту уничтожил бы её ковен. Без истинной ты бы обезумел и последовал за ней. Сын, в сложившихся обстоятельствах, это единственное решение, которое я смог найти! – отцовский рык отчасти возвращает ясность мысли. – Мы справимся. Договорись с истинной, найди компромисс, и да пребудет с тобой Зелус. – Слова отца растворяются в голове, оставляя лишь ноющую боль.

Высший совет никогда не одобрит такой союз. Я должен найти иной путь, чтобы спасти свою семью. Возможность быть со своей парой только по выходным, словно какой-то чертов муж на час – пошли вы все к чёрту! Я уничтожу весь её клан, но вырву свою пару из лап этих лживых ведьм!

Кровь кипела в жилах, заглушая голос разума. Ярость, дикая и неукротимая, захлестнула меня, словно волна цунами. Слова отца, полные отчаяния и безысходности, казались далеким эхом, потерявшим всякую силу перед лицом моей ре-

шимости. Ведьмы! Эти коварные, лживые создания, посмевавшиеся прикоснуться к моей семье, к моему будущему. Они думают, что могут диктовать свои условия, плести свои интриги, играя с судьбами оборотней, как с пешками на шахматной доске. Но они ошибаются. Моя семья, моя пара – они мой мир, и я не позволю никому его разрушить.

Мсть. Это слово пульсировало в каждом ударе моего сердца. Я видел в своём воображении, как их ковен рушится, как их сила испаряется под натиском моей ярости. Я представлял, как их могущественные заклинания оборачиваются против них самих, как их гордость разбивается о скалы моей решимости. Да, я готов на всё. Даже если это будет означать идти против всего нашего народа, против древних законов, против самого Зелуса. Они заплатят за свою дерзость, и цена будет высока.

Я выйду из этой ситуации победителем. Я найду способ спасти своего сына, вернуть ему его истинную сущность, не поддаваясь на уловки ведьм. Я докажу, что даже без их проклятого "согласия" я могу обрести своё счастье, свою пару. Возможно, придётся идти по пути, который ещё не ступала нога оборотня, но я не боюсь. Моя любовь и моя ярость – вот мои главные союзники.

Они думают, что контролируют всё, но они не знают истинной силы клана оборотней, не знают силы долга, силы страсти, силы отца, готового на всё ради своего дитя. Я вырву свою пару из их лап, даже если придётся сжечь этот мир

дотла. Я покажу им, что значит играть с огнём. Я – вожак, и я не склоню голову перед теми, кто посмел унижить меня и мою семью.

И пусть Зелус судит меня, если я не сдержу своего слова. Я найду иной путь, путь силы, путь праведного гнева, путь, который приведёт меня к спасению моей семьи. Этот союз с ведьмами – не выход. Это унижение, это капитуляция. А я не капитулирую. Я буду сражаться.

6. Саманта

Просыпаюсь от лёгкого покалывания у уха — моей чувствительной зоны, к котор

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.